

Кристина О. Робер

Преданные. Лабиринты памяти

*Посвящается Линту — моему незаменимому другу по переписке,
без которого ничего бы не получилось.*

Оглавление

Пролог.....	3
Глава 1. Байки.....	6
Глава 2. Что-то очень важное.....	11
Глава 3. Чужак.....	25
Глава 4. Сон на крыше.....	35
Глава 5. Михаил.....	43
Глава 6. Джейсон находит ключ.....	53
Глава 7. Крестик в ящике.....	66
Глава 8. Подмена.....	78
Глава 9. Кто ты, чудовище?.....	86
Глава 10. А была ли Дженни?.....	101
Глава 11. Три главных вопроса.....	119
Глава 12. Белое с кровью.....	134
Глава 13. Безликий народ.....	144
Глава 14. Саквильские и Стамерфильды.....	158
Глава 15. Самое лучшее представление.....	167
Глава 16. Что нужно человеческой душе.....	180
Глава 17. Подпись.....	193
Глава 18. Обещания.....	201
Глава 19. В апреле тихие ночи.....	214
Глава 20. Все предопределено.....	225
Глава 21. Ключ от квартиры на шестнадцатом этаже.....	237
Эпилог.....	258

Аннотация

Все началось в закрытой школе, среди простых людей, куда Ника попала с одной единственной целью — узнать, почему придуманное ею имя оказалось в списке «смертников». Но она и подумать не могла, что именно здесь, в этом чужом и ненавистном месте, встретит человека, в котором найдет отражение своих самых потаенных кошмаров. Детские истории о других мирах станут реальными, вымершие монстры заявят о своем существовании, а болезнь, которую Ника принимала за шизофрению, раскроется совсем с другой стороны.

Пролог

Мэйфер, Лондон.

2007 г.

Новенький черный «Chrysler» остановился рядом с домом из красного кирпича на Аппер-Брук-Стрит. До конца рабочего дня оставалось пара часов, и эта чопорная улица, к счастью, еще была пуста. Фликман не любил бывать здесь и, если бы не его пассажир, никогда не вернулся бы в этот мир.

Однако сегодня этому городу стоило отдать должное. Давно Лондон не радовал такой прекрасной погодой. Ночной ливень оставил в воздухе бодрящую прохладу, и скупое солнце робко играло еще не высохшими каплями, разбросанными на декоративных кустарниках и макушках безукоризненно постриженных деревьев. Фликман всю дорогу ехал с открытым окном и впервые за долгое время улыбался не своему пассажиру, а этому городу.

Мужчина заглушил мотор и украдкой посмотрел в зеркало заднего вида: маленькая принцесса задумчиво глядела в окно. Периодически ее плечики поднимались от резкого вздоха. И васильковые глаза как никогда были печальны.

— Ну, будет-будет, — как можно мягче сказал водитель, обращаясь к отражению в зеркале. Он пытался вести себя серьезно, но расстроенное личико принцессы вызывало лишь улыбку.

— Она перестанет мной гордиться, — буркнула девочка, переводя взгляд на колени, покрытые белыми гольфинами. — Я хотела сделать сюрприз и получить главную роль в нашем спектакле. Это был бы подарок на ее день рождения.

Фликман не выдержал и перегнулся через водительское сиденье. Он взял малышку за руку и тепло улыбнулся, отчего старческие морщинки на его лице мгновенно прыгнули вверх.

— Твоя мама в любом случае будет гордиться тобой. Потому что она знает, что на следующем прослушивании ты сделаешь эту Линду, и роль будет твоей!

Девочка грустно усмехнулась и посмотрела на старого водителя.

— Она обещала мне пуанты со стразами — самые лучшие, если я получу роль, — чтобы сдержать слезы, малышка поджала губки.

— Ника, милая моя Ника, ты очень талантливая! И все у нас с тобой получится! Верить мне? — Фликман ласково потрепал девочку за щеку. Ника какое-то время хмурилась, но потом не выдержала и расплылась в улыбке. Подавшись вперед, она обняла водителя.

— А теперь беги в дом и поздравляй маму с днем рождения. Стихотворение помнишь?

— Да, — бодро кивнула девочка.

Она чмокнула Фликмана в щеку, схватила рюкзак и выскочила на улицу. Старый водитель наблюдал, как принцесса взбежала вверх по ступенькам крыльца, и отчего-то его сердце объяла грусть. Ничего не предвещало беды и, наверное, Рита Харт-Вуд могла подарить девочке жизнь, которую обещал ей ее отец. Ника скрылась за входной дверью, и Фликман повернул ключ зажигания. Странное щемящее чувство не отпускало его всю дорогу до портала.

Ника быстро поднялась по лестнице на третий этаж, на ходу повторяя поздравление, которое приготовила для мамы. О неудачном прослушивании в балетный спектакль девочка уже не думала. Напевая под нос придуманную мелодию, она остановилась у черной двери с табличкой «9», элегантно поправила длинные черные волосы и, встав на цыпочки, уже готова была нажать на кнопку звонка, как вдруг замерла и прислушалась.

Звук разбившегося стекла. Что-то упало на пол. Приглушенное мычание. Ника затаила дыхание и толкнула дверь: та с легкостью поддавалась. На первый взгляд в квартире ничего не происходило. Дневной свет заливал белоснежное убранство, вымытые до блеска деревянные полы и светлую мебель. В воздухе витал приятный аромат сирени — запах, который так любила Рита Харт-Вуд.

Малышка хотела позвать маму и уже открыла было рот, но неведанный ранее внутренний инстинкт заставил молчать. Ника напряглась. Она оставила рюкзак у двери и, словно детеныш хищника, медленно направилась в сторону спальни, откуда и доносились непонятные хлопки и всхлипывания.

— Джимми, что ты делаешь, придурок? Прекрати! Я не хочу... — отчаянный женский голос звучал сдавленно, будто из-под одеяла.

— Ты потаскуха, Ри, пора платить, — слышался второй голос — мужской, грубый, похожий на скрежет проржавевшей дверной петли.

Вновь что-то упало на пол и с глухим звуком отскочило в сторону. Ника тихо охнула и, обогнув диван в гостиной, оказалась в спальне матери.

На широкой двуспальной кровати, застеленной белыми простынями, происходила борьба. Ее мать тщетно пыталась столкнуть с себя огромного мужчину: колотила его по спине, била по лицу, но этими действиями, казалось, вызвала в нем еще большую злобу. Мужчина по имени Джимми ударил Риту кулаком в нос, и маленькие красные капли в одночасье окропили ее губы и подбородок. Женщина вскрикнула.

— Ты будешь мне подчиняться, — рычал Джимми. Одной рукой он схватил Риту за горло, другой задрал подол ее платья вверх, оголив бедра.

Женщина заплакала.

— Пожалуйста, прекрати, пожалуйста...

Джимми был глух. Рыча от возбуждения, он ловко расстегнул ремень на джинсах и спустил трусы. Подавшись вперед, мужчина овладел своей жертвой. Рита начала рыдать. Красивое лицо исказилось от боли, синие глаза покраснели и заплаыли от слез и растекшейся туши.

Маленькая Ника стояла в проходе и смотрела на сцену насилия широко распахнутыми глазами. Ее сознание как будто затуманилось. Девочка до конца не понимала, что происходит. Она просто видела, как ее маме больно, и знала, что должна была помочь, но не могла пошевелиться. Движения Джимми становились все резче и беспощаднее, отчего Рита закричала. Мужчина ударил ее по щеке и зажал рот рукой.

— Терпи, сука, ты это заслужила! — рычал он.

Все произошло в считанные секунды. Внезапно Ника почувствовала, будто кто-то невидимый стал управлять ею, и теперь точно знала, что нужно делать. Девочка огляделась по сторонам: рядом с проходом стоял небольшой столик с обедом, а пол вокруг был усыпан разбитой стеклянной посудой. Ника схватила самый большой осколок и, до боли сжав его в руке, бросилась

на обидчика. Первый удар пришелся в плечо. Наступила тишина. Джимми замер и медленно обернулся. В его диких карих глазах застыло удивление, а противное щербатое лицо скривилось еще больше.

Ника отпрянула от него и упала на пол, по-прежнему сжимая в руке осколок. Ее сердце стучало, как бешеное, и кто-то другой внутри будто начал вопить от ужаса, но закричать она так и не смогла — холодно смотрела на обидчика, и с каждой секундой чувствовала в теле еще большую решимость. Джимми прижал ладонь к плечу, а затем посмотрел на окровавленные пальцы.

— Дрянь! — он молниеносно кинулся к девочке и со всей силы оттолкнул ее к стене. Ника упала на пол, больно ударившись головой. Из глаз непроизвольно брызнули слезы. Она попыталась подняться, но вокруг все расплывалось.

Рита взвизгнула, съезжившись в углу кровати. Джимми прыгнул на малышку сверху и вновь хотел ударить, но Ника будто озверела! Она с такой неистовой силой принялась бить осколком в его спину, что у мужчины не было шансов сделать лишнее движение. Горячая кровь заливала маленькое личико и ее новое розовое платье, стекала по рукам. И в комнате будто бы кто-то выключил все звуки. Уши пронзила звенящая тишина, сквозь которую прорывались слабые рыдания Риты. Через минуту тело Джимми обмякло и навалилось на девочку сверху, но она все была и была его кровавым осколком.

Рита в ужасе наблюдала за ними. От испытанного шока она перестала дышать и лишь нервно сглатывала. Тело заметно трясло. С каждым движением дочери она все сильнее и сильнее вжималась в спинку кровати. Женщина не верила своим глазам. Ее прекрасная девочка — маленькая, хрупкая девочка....

— Он обещал, что ты будешь нормальной... — как полоумная шептала она. — Его мир... только не здесь... Дьявол настиг нас, он пришел за тобой.

Кое-как Ника выползла из-под грузного тела, и Рита увидела страшные глаза дочери: правый — ярко-синий, цвета василька, левый — чернее черного, искрящийся и яростный. И звуки, которые она издавала, были нечеловеческие: резкие, рычащие, хищные.

Никогда Рите не было так страшно. Ника сидела в луже крови, слабо сжимая осколок. Она смотрела на мать глазами странного дикого существа... и беззвучно плакала.

Женщина сглотнула. Ее восьмилетняя дочь только что убила мужчину.

Глава 1. Байки

Англия, 100 км на юго-восток от Лондона.

Пансионат «Слэш».

31 августа 2016 г.

— У нее есть родители, но для всех было бы проще считать ее сиротой.

Повисла минутная пауза. Ника плотнее прижалась ухом к двери. Ей совсем не нравилось торчать по ту сторону событий, ведь Джейсон со своим видением ситуации мог наговорить много лишнего.

— Не понимаю, к чему эта таинственность, — слышался голос директора Шнайдера. Ника четко представила его лицо: добродушное, но с идиотским наигранным сарказмом,

совершенно не свойственным ему. Мужчина явно был не в восторге, что разговор пошел не по его правилам.

— Мать у нее занята своей жизнью, а отец в постоянных разъездах. Оба достаточно жесткие и равнодушные. Девочка отбилась от рук. Я лишь хочу, чтобы здесь она вернулась к нормальной жизни, — беззаботно ответил Джейсон.

— Отбилась от рук? — фыркнула Ника, смерив дверь уничтожающим взглядом.

— И если ее не будут донимать вопросами о родителях, она быстро придет в норму. Вероника очень способная, — последнюю фразу Джейсон произнес нарочито громко. — Знает испанский и латынь, десять лет балетной школы. Думаю, вашему пансионату не повредит такой экземпляр.

— Мистер Айсейкс, в «Слэш» много талантливых детей. И все они выходцы из хороших семей. Плюс ко всему и выглядят они подобающим образом.

— Я поговорю с ней.

Ника отстранилась от двери и с ногами забралась в кресло у окна. Сейчас Джейсон скажет про внушительный чек «на благотворительность», и Шнайдер скрепя сердце подпишет документы на прием. Ясно же, что она никак не вписывается в элиту пансионата: ни манер, ни осанки, ни выправки, да и в целом внешний вид уж больно потрепанный. Но коммерция — штука интересная, открывает даже самые неприступные двери.

Ника обреченно вздохнула. Она сидела в приемной директора пансионата и ждала, когда взрослые решат ее судьбу на ближайший год. Просторное помещение в светлых тонах, мебель из красного дерева, большие стеллажи с аккуратно расставленными папками и книгами, на стенах — изображения достопримечательностей Англии. Все сдержанно, дорого и со вкусом. Ужасно, одним словом.

Ника натянула капюшон на голову и обхватила себя руками. Ей было неудобно. Хотелось убежать подальше из этого помпезного места, но список в кармане толстовки напоминал о том, зачем она здесь.

— В прошлом году мы начали проект по созданию «Аллеи памяти»...

Дверь кабинета открылась, и в приемную вышли Джейсон Айсейкс и директор Шнайдер. Первый метнул на Нику укоризненный взгляд, и девушка нехотя опустила ноги на пол и выпрямилась. Джейсон едва заметно кивнул на капюшон, и она сняла его, приторно улыбнувшись.

— Мы хотим посадить эксклюзивные деревья, установить памятники выдающимся ученикам и преподавателям пансионата, а также вынести на всеобщее обозрение самые знаковые события, — без особого энтузиазма закончил директор.

Ника хмыкнула: кажется, Джейсон еще не упомянул о сумме пожертвования. И что он тянет?

— Прекрасная идея! — воскликнул Джейсон, возможно, чуть более воодушевленно, чем того требовала ситуация. — У вас уже есть проект? Я бы с радостью взглянул на него! Возможно, мне станет интересно...

— Можно, конечно, — ответил Шнайдер. — Макет выставлен перед входом.

— Мистер Айсейкс, вы наконец выбрали благотворительный фонд? — с энтузиазмом воскликнула Ника.

Шнайдер обернулся к ней и посмотрел так, будто впервые увидел. Джейсон за его спиной нахмурился.

— Мой опекун каждый год жертвует сумму на благое дело, а вот в этом году никак не может определиться, — с наигранным восторгом принялась объяснять Ника. Она поднялась на ноги и начала активно жестикулировать. — Сначала хотел озеленить улицу в Глазго, но эта компания... как же ее... Юнион что-то там... вы не помните, Джейсон? А, не важно! Представляете, мистер Шнайдер, они брали деньги у честных людей, а саааами вкладывались в наркобизнес! Я ему говорю: «Джейсон, вы бы на собачек внимание обратили, они же такие добрые. И люди за ними ухаживают славные. Им условия хорошие нужны». А инвалиды? Вы слышали про этих слепых близнецов-вундеркиндов в Ирландии? Это же просто нонсенс!

— Ника-Ника, прекрати, не надо сейчас об этом, — перебил ее Джейсон и, пока Шнайдер растерянно смотрел на нее, покрутил у виска. — Я бы не хотел, чтобы директор думал о том, что у моей благотворительности корыстная цель.

Шнайдер переводил взгляд с Ники на Джейсона, и девушка отчетливо видела, как жилка на его левом виске начала пульсировать. Выглядел он крайне забавно: невысокий, лысоватый, коренастый мужчина лет пятидесяти с низко посаженными бровями, придававшими округлому лицу излишнюю серьезность, классический английский костюм из твида (похоже, что дорогой), опрятный и, в целом, вполне добродушный, но с какой-то напускной высокомерностью, совершенно не сочетавшейся с той растерянностью, в которую ставила его сложившаяся ситуация.

— Ну что вы, я уже принял решение относительно судьбы Вероники в нашем пансионате, — зататорил он, обращаясь к опекуну. Ника за спиной Шнайдера самодовольно вскинула брови.

— Серьезно? Вы же сомневались по поводу ее...

— Нет-нет, вы убедили меня в обратном. Я не прошу себе, если не дам шанс такой талантливой девочке, — Шнайдер нервно улыбнулся ей.

«Ах ты ж продажная шкурка», — мысленно пропела Ника, улыбаясь в ответ.

— Превосходно, — Джейсон протянул директору руку, и тот от души пожал ее. — В таком случае я хочу осмотреть территорию пансионата, чтобы быть точно уверенным в правильности выбора учебного заведения для нее, — мужчина как бы невзначай поправил рукав взятого напрокат пиджака «Giorgio Armani» и на несколько секунд открыл взору директора арендованные часики «Ulysse Nardin». — Ника, подожди нас здесь, пожалуйста. Я бы хотел поговорить с мистером Шнайдером наедине.

Ника кивнула, и мужчины удалились из приемной. Директор пропустил Джейсона вперед, и девушке даже показалось, что в предвкушении сорвать неплохой куш он немного подпрыгивал при ходьбе.

Не теряя времени, Ника бросилась в кабинет Шнайдера. Компьютер остался включенным, что оказалось большой удачей. Девушка присела на корточки у стола на случай, если Шнайдер поведет Джейсона на улицу мимо своих окон, и пошевелила мышкой. Экран вспыхнул и запросил пароль. Ника сменила учетную запись директора на «Гость». Еще пара щелчков, и ее взору предстали необходимые данные. Сделав снимок экрана на камеру телефона, Ника вышла из учетной записи и заблокировала компьютер.

Первый этап операции прошел слишком гладко. Ника облегченно вздохнула и направилась к выходу. На пороге она кинула взглядом кабинет: небольшой деревянный стол, дубовые остроугольные стулья, тяжелые бордовые шторы, прямоугольный ковер с мелким ворсом,

аккуратно расстеленный возле окна. Минимализм, сдержанность, острота — все здесь говорило о его характере. И лишь маленький портрет Мэрилин Монро, неудачно спрятанный за деревянным шкафом в углу комнаты, выдавал слабость мужчины к женскому полу.

«Он вполне мог бы стать очередной жертвой Риты», — подумала Ника и тут же отругала себя за то, что вспоминает о матери в такой момент.

Шнайдер и Джейсон вернулись спустя полчаса. Директор буквально светился от счастья.

— Давайте подождем мою секретаршу. Она сварит кофе, и мы сможем обсудить все детали, — с энтузиазмом предложил он.

— Прошу меня извинить, но мне пора, — мягко ответил Джейсон, поймав недовольный взгляд Ники. — Высылайте все на почту, как и договаривались.

— О, понимаю, — слегка разочарованно протянул Шнайдер и обернулся к девушке. — Вероника, вы можете попрощаться с вашим опекуном и вернуться сюда. Роза будет с минуты на минуту. Покажет вам комнату отдыха. Вещи вы можете оставить на пункте охраны, их принесут в спальню.

— Большое спасибо, директор, — кивнула девушка, поднимаясь на ноги и закидывая на плечо свой походный рюкзак.

Мистер Шнайдер и Джейсон пожали друг другу руки, и директор, все еще улыбаясь, скрылся в своем кабинете.

— Итак, ты получила, что хотела, — сказал Джейсон, и в его голосе Ника уловила нотки разочарования.

— Недоволен?

— Отнюдь, — пожал плечами он. — Просто думаю, что здесь тебе будет плохо.

Преодолев небольшой коридор, они оказались в просторном светлом холле со сверкающим полом из черной и белой плитки, выложенной в шахматном порядке. Под высоким потолком — огромная искрящаяся люстра, на белых стенах — множество светильников и монохромные картины в серебряных рамах. Ника подняла голову вверх и покружилась.

— Кажется, мои будущие лучшие друзья подтираются золотыми слитками, — хмыкнула она.

Джейсон натянуто улыбнулся.

— Ты здесь и недели не протянешь.

Ника с наигранным скепсисом посмотрела на него: хмурый и нервный какой-то, так странно. Джейсону на днях исполнилось тридцать, он был молод, хорош собой и вполне наслаждался своей жизнью. Да, костюм от именитого дизайнера не входил даже в его праздничный гардероб, но вряд ли именно он стал причиной плохого настроения сегодня.

— Протяну, мы же спустили на эту авантюру все отцовские деньги, мне не на что жить за пределами этого дворца. Плюс я посмотрела несколько этих фильмов про школу, — усмехнулась она. — И у меня есть IP-адрес компьютера Шнайдера, я тебе отправлю фото. И ты обещал узнать про Дэвиса Джордана.

— Обещал — узнаю, только не названивай мне посреди ночи, сам свяжусь.

Ника скрестила руки на груди и прищурилась.

— Спасибо за твою помощь, — после минутной паузы сказала она. — И сними ты этот пиджак, тесно же.

Джейсон не удержался от улыбки.

— Одно радует: для тебя это все игра, несерьезно. Так что как наиграешься, возвращайся домой, — мужчина приобнял ее и небрежно чмокнул в макушку. — Бывай, принцесса.

Джейсон подмигнул ей напоследок и размеренным шагом направился в сторону выхода. Ника уловила в его взгляде доселе незнакомую ей грусть, но воздержалась от комментариев. Подумаешь, обиделся. На обиженных... ну, все и так знают.

— Не забудь про мой чемодан! — крикнула ему вдогонку Ника.

Не оборачиваясь, Джейсон показал «класс» в знак подтверждения. Спустя мгновение входная дверь за ним закрылась. Ника на мгновение закрыла глаза. Игра или не игра, но всем лучше убогой квартирке в Глазго и компании заядлых курильщиков на задворках школы.

Девушка с шумом вдохнула воздух и огляделась по сторонам. Пансионат «Слэш» напоминал ей старинную усадьбу с хорошим ремонтом и невероятным обилием света. Свет заполнял каждый уголок холла, создавая иллюзию золотистого тумана, стелющегося вдоль шахматного пола. Одетая во все черное, Ника слишком выделялась на этом фоне и очень радовалась, что вокруг не было ни души, да и тишина так приятно ласкала слух, возможно, в последний раз за предстоящий год.

За ее спиной была широкая лестница из белого мрамора. Девушка резко взбежала по ступеням и, преодолев первый пролет, остановилась: стена на площадке представляла собой гигантскую доску почета с самыми выдающимися учениками и учителями с момента первого года выпуска в пансионате. Отовсюду на Нику смотрели улыбающиеся мужские и женские лица в красных шапочках. Под каждым из них блестели золотые надписи.

«Уильям Джеймс Шнайдер, — гласила подпись под уже знакомым лицом директора, — «Заслуженный учитель 2011 года. Англия». Автор серии книг «Автостопом по Америке» и цикла рассказов «Сто пятьдесят дней на Мадагаскаре».

Ника присвистнула.

Справа от фотографии директора она увидела изображение женщины с очень светлыми серыми глазами. Ее губы были плотно сомкнуты, и вид — довольно сердитый.

«Мэридит Элен Дикман — заместитель директора по воспитательной работе. Преподаватель английской литературы с 2001 года».

Судя по фото, Мэридит была достаточно сурова и консервативна, и Ника заключила, что любимчиком у этой женщины ей не быть.

Девушка снова прикрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями. Она так давно не была новенькой и тем более никогда не училась в такой школе. Что сулит выпускной класс? И насколько ее будущие одноклассники отличаются от тех, с кем она существовала до этого? Много вопросов, которые ставили Нику в тупик. Но если откинуть страх и сомнение и посмотреть правде в глаза, впервые за два года, которые девушка провела вне дома, у нее появилась цель. И пусть Джейсон (возможно, единственный человек в этом мире, которому было не совсем плевать на ее жизнь) считал, что эта затея глупая, она не могла просто оставить все, как есть.

* * *

Лондон.

август 2016 г.

...Сегодня я впервые вернулся сюда ночью. Вышел из чащи и застыл на пороге необъятного поля и инстинктивно вскинул голову к небу. Небо без солнца и привычной кристальной голубизны было тяжелым, и звезды как будто давили на меня. Неужели конец?

Я сжимаю ее руку и к своей грусти чувствую, что она дрожит. Моя драгоценная, мужественная женщина, теперь она боится. Вздыхаю. Да, это конец.

Вокруг — ни ветра. Раньше я так настороженно относился к затишью, но сейчас чувствую, что природа готовит меня к покою. Посреди бескрайнего поля стоит оно — дерево, усыпанное белоснежными ромашками. Чудесное... Они такие чистые и идеально ровные, и в свете звезд сияют ярче бриллиантов. Мы шли к нему столько лет! Всего несколько шагов, и все закончится. Так хочется коснуться его...

Она тянет меня вперед, и я поддаюсь. Из-за капюшона не вижу ее прекрасного лица, но невольно воображаю, как она хмурит брови. Если после смерти мне дозволено чувствовать, я буду скучать по ней.

Мы стремительно идем к дереву, и наши ноги ласкает шелковистая трава. И вдруг она поворачивается ко мне, и в привычном взгляде васильковых глаз я вижу ту — другую. Нет-нет-нет, только не сейчас! Чувствую, как задыхаюсь. Уходи, Джейс Фо! Я заслужил это время только с ней...

— Освободи меня наконец, — шепчет она губами моей женщины.

Цепенею и пристально всматриваюсь в глаза, тщетно пытаюсь найти внутри мою.

— Освободи, — она больше не требует, она умоляет. — Твоя же очередь...

Саша вскочил на кровати, тяжело дыша. На часах — два ночи. Он инстинктивно посмотрел в сторону и едва не упал, встретившись взглядом с глазами, пылающими красным.

— Твою мать!

Всего лишь отражение в зеркале. Саша в сердцах ударил кулаком по одеялу и откинулся на подушку.

Дурацкий-дурацкий сон! Когда же это кончится...

Глава 2. Что-то очень важное

Пансионат «Слэш».

31 августа 2016 г.

Роза оказалась хорошенькой пухленькой блондинкой лет тридцати пяти — из тех, кто на любое слово выдает дежурную приторную улыбку, и ты никогда сам не сможешь понять, любит она тебя или ненавидит. Женщина заставила Нику заполнить анкету для новичков, а затем отвела в

комнату отдыха и сказала ждать Мэридит Дикман — суровую заместительницу директора Шнайдера. По словам Розы, к вечеру должны прибыть только выпускники, у остальных учащихся занятия начинаются второго сентября.

«Никто, конечно, прямо не говорит, но в пансионате вот уже лет десять выпускники начинают год с вечеринки. И раз Мэридит Дикман закрывает на это глаза, всем приходится отрабатывать веселье утром первого сентября на ее занятии», — с широкой улыбкой объяснила Роза.

Ника с облегчением вздохнула и мысленно поблагодарила секретаршу за хорошие новости. Еще как минимум пара часов покоя, а потом все уйдут на вечеринку, и можно будет провести этот вечер в тишине.

Комната отдыха была огромной — такой, в которой с легкостью может разместиться четыре полноценных учебных класса. Столы и стулья из темного дерева, книжные шкафы и полки, аккуратно заставленные учебными материалами. У стены слева от входа располагался камин, а вокруг — глубокие диваны и кресла бордового цвета. Рядом с камином — мини-холодильник с водой и соками. В воздухе витал аромат весенней свежести — как после мытья полов с цветочным кондиционером. И если бы не двери с табличками «спальни мальчиков» и «спальни девочек», можно было бы предположить, что в этой комнате отдыхает кто-то очень важный.

Ника подошла к массивному шкафу, заставленному многочисленными трофеями. Сколько статуэток и кубков было здесь! «Слэш» много где преуспел: профильные олимпиады, теннис, волейбол, плавание и даже победы на вокальных конкурсах. За последние пять лет пансионат ни разу не проиграл городской турнир по футболу, о чем свидетельствовали сияющие мячи в позолоте. Также Ника увидела миниатюрные фигурки чирлидеров и дипломы о первых местах в шахматном турниру.

Девушка скинула рюкзак на пол и с размаху упала в глубокое кресло. Она не была готова учиться. Не была готова даже попробовать стать частью этого общества. В предыдущей школе ее считали неуравновешенной, постоянно грозились отчислить за драки и употребление наркотиков. А последние пару лет Ника не завела ни одного знакомства и представить не могла, как будет общаться с новыми соседями. В глубине души она надеялась, что Джейсону удастся получить достаточно информации из компьютера директора, и ей не придется использовать в своем деле новых одноклассников.

Ника вздохнула и закрыла глаза: «Просто пережить год... максимум год, а если повезет, и того меньше».

Неожиданный звук мотора вывел ее из полудремы. Ника вскочила с кресла, подбежала к окну и, раздвинув массивные шторы, с ногами забралась на подоконник. Отсюда была видна лишь малая часть двора — только главные ворота и начало широкой парадной дороги, вымощенной темно-серой плиткой, но этого было вполне достаточно. Источником звука служил мотоцикл. Ника ничего не смыслила в них, но почему-то сразу решила, что он дорогой и новый. Водитель был облачен в форменный темный костюм. Он заглушил мотор и, сняв шлем, картинно взъерошил и без того растрепанные черные волосы.

Сцена напоминала рекламу шампуня для масс-маркета, и Ника невольно усмехнулась. Подкуриив сигарету, она приоткрыла окно и попыталась разглядеть его, но обзор загородил другой парень — русоволосый и смуглый. Он появился со стороны входа в здание пансионата.

— Надень и сними еще разок! Давай! А то Стейс все пропустила! — весело сказал он и поспешил протянуть мотоциклисту руку.